

Беате Тереза Ханика

Скажи, Красная Шапочка

*Перевод с немецкого
Веры Комаровой*

Москва KompasGid
издательский дом
2018

УДК 811.112.2-93
ББК 84(4Гем)-44
Х19

Автор обложки — Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Перевод данной книги был поддержан грантом Немецкого культурного центра имени Гёте (Института им. Гёте), финансируемого Министерством иностранных дел Германии

Ханика, Беате Тереза.

Х19 Скажи, Красная Шапочка / Беате Тереза Ханика ; пер. с нем. Веры Комаровой ; [авт. обл. М. Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 192 с.
ISBN 978-5-00083-461-9

«Того, кто пару часов назад был сквоттером, убежал от полиции и в первый раз поцеловался, запутать нелегко». Так говорит Мальвина. Ей ли не знать: это она пряталась на чердаке заброшенной виллы, она еле унесла ноги от полицейского, она доверилась мальчишке по кличке Муха и начала говорить. И уже никогда не запутается.

Обыкновенная девочка: 13 лет, подруга Лиззи, велосипедные прогулки, понравившийся мальчик. Обыкновенная семья: мама, папа, брат, сестра, дедушка. Обыкновенные проблемы: планирует отметить день рождения, ругается с отцом, скучает по умершей бабушке. Лишь одна проблема — не как у всех. Она боится ходить к дедушке — словно Красная Шапочка, она носит ему через день гостинцы.

Сюжет, который иной автор использовал бы лишь как повод поиграть на читательских эмоциях, Беате Тереза Ханика превращает в драму о психологической слепоте, присущей многим из нас. Номинированная на Немецкую детскую литературную премию, эта книга — и притча о важности доверия, и руководство к действию: иногда молчать о проблеме значит усугублять ее. Повесть «Скажи, Красная Шапочка» в России стала бестселлером и предметом бурных дискуссий в начале 2010-х годов, и ее переиздание займет заслуженное место на полке книг для думающих читателей. Издательство «КомпасГид» решило выпустить книгу вновь в поддержку флешмоба #янебоюсьсказать, ставшему главным событием российских соцсетей последних нескольких лет.

УДК 811.112.2-93
ББК 84(4Гем)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as «Rotkäppchen muss weinen»
by Beate Teresa Hanika
© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2009
© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-461-9

Меня зовут Мальвина. Первого мая мне исполнится четырнадцать лет.

Сейчас апрель.

До дня рождения еще две недели. Когда мне будет четырнадцать, у меня будет друг. Я буду держать его за руку и засыпать в его объятиях. Буду ходить на вечеринки и танцевать, даже если родители не разрешат. Буду всегда говорить то, что думаю, а вместо того чтобы грустить, буду возмущаться и бунтовать. Если захочу — смогу закричать так громко, что все испугаются меня и убегут.

Даже родители, даже бабушка — все-все.

Но сейчас апрель, и мне тринадцать.

ПЯТНИЦА

Это случилось в пятницу.

В последнюю пятницу перед пасхальными каникулами. По пятницам после школы я хожу на уроки музыки, учусь играть на пианино. Потом иду к дедушке, он живет на той же улице, а там меня ждет папа. Иногда меня ждет еще и старшая сестра Анна или старший брат Пауль. Но ему уже девятнадцать, он студент и поэтому нечасто здесь появляется.

Мама меня никогда там не ждет, потому что она терпеть не может дедушку, особенно после смерти бабушки. Мама говорит, что с тех пор он стал относиться к ней еще недружелюбнее, чем раньше, и поэтому она его больше не навещает.

В эту последнюю пятницу перед пасхальными каникулами я особенно радуюсь, что урок музыки наконец-то закончился. Начались каникулы, сейчас три часа дня, светит солнце, я перебегаю через улицу и стягиваю через голову свитер — не потому, что жарко, а потому, что я решила — уже настоящая весна. Я была бы еще счастливее, если бы со мной была Лиззи. Лиззи — моя лучшая подруга, мы всегда вместе уходим с занятий. Чтобы мне было не так скучно у дедушки. Там мы с ней треплемся про разные разности или делаем домашние задания — ну ладно, если честно, чаще всего мы просто треплемся и только делаем вид, что учим уроки. Сегодня Лиззи не придет, она сразу после школы уехала в горы кататься на лыжах. Ее даже отпустили на час раньше, чем всех остальных.

Раньше дверь мне всегда открывала бабушка, в последний день перед пасхальными каникулами она говорила:

— Ну вот, опять начинается сезон мороженого.

Потому что мороженое бабушка давала мне только летом. Ванильное мороженое и мармеладных мишек.

С тех пор как она умерла, мороженое можно есть круглый год — странно, но от этого мне даже немножко грустно.

Но сегодня мне не грустно, у меня замечательное настроение. Я изо всех сил жму на звонок у двери в дедушкину квартиру, чтобы все сразу поняли: это я, и начались каникулы, и настроение у меня — лучше некуда!

Дедушка открывает дверь и говорит:

— Да это же Мальвина, внучка моя любимая!

Я чмокаю его в щеку и проскальзываю в квартиру, где всегда пахнет вином и старым сыром, потому что дедушка с трех часов дня начинает пить вино, иногда закусывая его сыром. Этот ужасный сыр он сует мне под нос и смеется до колик, когда я морщусь от отвращения.

Сегодня что-то не так, но я замечаю это, только когда вхожу в гостиную. Папы нет.

— Где он? — спрашиваю я.

Дедушка сидит в кресле, закинув ногу на ногу.

Ноги у него очень длинные, он вообще очень высокий: больше чем метр девяносто. Ростом я в него пошла, так все говорят. Мне тринадцать, а вымахала я уже почти на метр семьдесят пять. Вполне можно было бы быть и пониже, я всю жизнь выше всех знакомых мальчишек, а это не очень-то весело.

— Заберет твою сестру и приедет, — говорит дедушка. Я сажусь в кресло напротив него и чувствую себя довольно неуютно, потому что не знаю, о чем с ним говорить.

Я уже давно не оставалась с ним наедине. Раньше рядом всегда были бабушка и Лиззи. С тех пор как бабушка умерла, папа стал больше заботиться о дедушке, чтобы тот не чувствовал себя одиноко. Они разговаривают, в основном о войне: где дедушка воевал и всякое такое, а мы с Лиззи сидим, шепчемся и пишем на бумажках всякую веселую чепуху.

Я размышляю, что бы такое спросить у дедушки о войне, но, как ни стараюсь, не могу ничего придумать и не говорю ничего. Хорошо бы папа и Анна пришли поскорее.

— Сколько тебе сейчас лет, Мальвина? — спрашивает вдруг дедушка, хотя прекрасно знает, что мне тринадцать.

— Тринадцать, — говорю я и продолжаю думать о войне.

Как раз когда я решаюсь спросить, где же он воевал (просто чтобы хоть что-то сказать, ведь все это я давно уже знаю), он говорит:

— А у тебя уже есть мальчик? У твоей двоюродной сестры Мэгги есть, а она только на полгода старше тебя.

Я вся краснею и только мотаю головой. Конечно, у меня нет друга, а если бы и был, я бы дедушке ничего про него не сказала.

— Ты уже достаточно взрослая, — настаивает он, — можешь мне все спокойно рассказать.

Он пытливо смотрит мне в глаза, как будто я от него что-то скрываю. Я чувствую себя совсем уж неудобно, очень хочется отсюда смотаться, но не могу придумать, что бы такое сказать.

«Я забыла папку с нотами у учительницы...»

Но папка — вот она, лежит у моих ног.

Поэтому я говорю:

— У меня правда нет друга, дедушка.

— Не могу поверить, как же это так, ты ведь такая красивая девочка, ты моя самая красивая внучка... За тобой мальчишки небось табунами бегают, да?

Я снова качаю головой и смотрю мимо дедушкиного лица в окно, на противоположный ряд домов.

Женщина вытряхивает в окно пыльную тряпку. В какой-то момент она смотрит прямо на меня, но это только кажется, потому что здесь, в полумраке, меня не разглядеть. Она энергично закрывает окно, стука мне, конечно, не слышно, но слышно, как дедушка ставит бокал с вином на стол. Дедушка говорит о себе, что он эстет. Понятия не имею, что́ это значит. Знаю только, что он читает великих немецких поэтов, вроде Гёте и Шиллера, и философов, у него много записей на пластинках, на самых разных языках. И то, что он пьет вино, тоже с этим как-то связано.

Красная жидкость медленно покачивается в бокале. Я многое бы дала за то, чтобы сообразить, как сменить тему разговора, но только нервно ерзаю на краю кресла.

— Разве тебе не интересно, как это оно бывает — ну, с мальчишками? — говорит дедушка и одним движением наклоняется к моему лицу. Наверно, он тоже подвинулся на самый край своего кресла, но он вовсе не нервничает, он совершенно спокоен и кладет руки мне на колени.

Они как старые кожаные перчатки, даже через джинсы я чувствую это.

Сухие пальцы, толстые синие вены. Я чувствую запах красного вина в его дыхании, красного вина и чего-то

кислого. Наверно, это запах старости, по крайней мере, другого объяснения у меня нет.

Я опять качаю головой. Сзади, прямо возле уха, тикают часы. Слышно, как во дворе кричат дети. А больше никаких звуков. Совсем тихо.

— Ты же знаешь, ты моя любимая внучка, — говорит дедушка у самого моего рта.

— Я не хочу, чтобы мальчишки тебя обижали.

Я стараюсь не дышать, в ногах какой-то зуд, как будто надо вскочить и бежать. Я киваю, потому что ничего другого не приходит в голову, и смотрю на дедушкины руки, которые держат мои коленки. Потом он гладит меня по голове, собирает волосы на затылке. Они у меня темно-русые и на кончиках завиваются.

— Какая ты красивая, — говорит он. — Ты на бабушку очень похожа.

Не знаю, почему я не шевелюсь.

Даже когда он целует меня, быстро и жестко, в рот, я сижу тихо-тихо.

Стариковские губы как из камня. Он впивается ими в меня и опрокидывает бокал.

Вино льется по столу, капает на пол. В ту же минуту в дверь звонят.

Это Анна и папа.

Анне семнадцать лет.

Она блондинка, волосы у нее длинные, лицо бледное и все в веснушках. Она ходит в гимназию, в двенадцатый класс, и считает, что она лучше всех. Когда мы едем домой, она сидит в машине спереди. Она всегда сидит спереди. И слушает музыку через свой айпод. При этом

она закрывает глаза, жирно подведенные черным карандашом (по-моему, это просто ужас), и кивает головой в такт музыке.

Обычно я пинаю ее сзади. Тыкаю острой коленкой в переднее сиденье и довожу этим Анну до бешенства. Это моя месть — за то, что она никогда не дает мне посидеть спереди. Но сегодня у меня нет никакого желания это делать.

Я смотрю, как папа ведет машину, у него круглая лысина, которая блестит на солнце, как отполированная, и усы. Но от них мне видны только кончики, я ведь сижу сзади. Чаще всего по пути домой мы не разговариваем, все равно ехать только десять минут, вполне можно было бы добраться и на велосипеде. Я смотрю в окно и представляю себе, как я веду в поводу лошадь, которую надо тренировать. Она бежит рядом с машиной, а полоска травы рядом с дорогой — это дорожка ипподрома. Я подстегиваю мою лошадь, ее зовут Мэри-Лу, она быстрая, как ветер. Это глупая игра, когда человеку уже тринадцать, но я никому про нее не рассказываю, так что все нормально.

Сегодня мне даже этого не хочется.

Я сползаю в промежуток между двумя передними сиденьями, хотя папа очень этого не любит.

— Дедушка меня сегодня поцеловал, — говорю я или слышу, как я это говорю. — Не хочу, чтобы он опять меня целовал.

Папа не говорит ничего.

На мгновение мне кажется, что он меня не услышал.

Потом я чувствую, как он смотрит на меня в заднее зеркало. Совсем коротко, а потом опять смотрит на дорогу.

Я откидываюсь на сиденье и тыкаю коленками в спину сестры.

— Да перестань же ты, дрянь такая, — ругается она, не вынимая наушники из ушей, и изо всей силы щиплет меня за ногу.

Больше всего мне хочется зареветь.

После обеда я беру свой велосипед и сматываюсь.

Маме не нравится, когда я вечером одна катаюсь на велике: мало ли что может случиться. Она всегда боится за меня, во всяком случае, так она говорит. Но я давно уже подозреваю, что ей просто скучно, когда меня нет дома. Мама говорит, что никуда не годится, когда девочка катается на велосипеде одна.

Поэтому я вру и говорю, что моя подруга Лиззи тоже поедет со мной, хотя я точно знаю, что Лиззи сразу после школы уехала в горы.

Я вру довольно часто, потому что иначе жить с мамой было бы очень тяжело.

Я вру, чтобы успокоить ее, а иногда кое о чем умалчиваю, чтобы не волновать. Потому что когда мама расстраивается, у нее начинается мигрень, а это означает, что придется на цыпочках красться по темному дому, очень осторожно, чтобы не производить ни малейшего шума.

Так что сегодня я иду кататься на велике с Лиззи.

Мама все равно смотрит на меня осуждающе и как-то обиженно, потому что я не остаюсь дома.

— Но чтоб к половине восьмого вернулась! — кричит она.

Я притворяюсь, будто не слышу, и просто уезжаю.

Хорошо быть одной.

Поеду к вилле.

Это старый пустующий дом, в котором мы раньше часто играли. Теперь мы для такого слишком большие.

Я единственная, кто еще приходит на виллу, а прихожу я туда довольно часто. Она стоит за новым поселком, чуть в стороне от последней улицы, между яблонями и грушами. Надо пролезть через дырку в ограде, а потом идти сквозь высокую, почти до пояса, траву.

Я стараюсь ехать как можно быстрее, даже в боку начинает колоть. Солнце уже садится, и от меня падает длинная косая тень. Мои ноги слишком длинные для этого велика, я вообще длинная и худая, как жеребенок, и грудь у меня, наверное, никогда не вырастет.

В новом поселке дорога идет в гору, я изо всех сил жму на педали, велик старый-престарый, на нем еще мой брат ездил. Переключение передач не работает, и, когда я еду вверх, легкие прямо горят. Скоро начинается дорожка через поле, тут можно перевести дух. Вилла прячется за деревьями, как старый спящий зверь. На последних поворотах я отпускаю педали, и велик катится сам.

Пролезаю через дырку в ограде и бреду по высохшей за зиму траве.

В прошлом году мы с Лиззи защищали виллу от мальчишек из поселка. Я даже подралась с одним из них. С тем, который был выше всех и минимум на пару лет старше нас.

Ух, как я его боялась! Мы забаррикадировали входную дверь, да еще навалились на нее плечами.

— Они ее ни за что не откроют, — сказала Лиззи, откинув темные волосы, чтобы не лезли в глаза.

— Никогда!

А он просто пробил в двери дыру. Потом все произошло очень быстро. Мальчишка хотел отогнать нас от двери, чтобы его дружки тоже смогли войти. Они протискивались в дырку, а он, предводитель, толкнул

меня, и тут я разозлилась — хотя нет, я уже была ужасно злая. Я вдруг размахнулась и двинула ему в лицо кулаком, так, как учил меня брат.

— Мальвина, — говорит он всегда, — девочки бьют неправильно, мягкой стороной, ладошкой со сложенными пальцами.

Потом берет мою руку и складывает ее в кулак.

— Вот так, видишь, — говорит он и бьет себя в грудь кулаком, стороной, где согнуты пальцы, — это совсем не больно. Бить надо костяшками, запястье держать прямо и твердо, чтобы ничего не вывихнуть...

Именно так я и ударила.

Мальчишка закрыл лицо рукой, из носа хлестала кровь, ее струя пульсировала, забрызгивая все вокруг: пол, мою футболку и руки.

Мальчишки сочли за лучшее ретироваться через дырку в двери.

С тех пор дверь виллы так и стоит с дыркой, а наше противостояние с мальчишками закончилось.

Они больше не появлялись, ни разу за весь остаток лета.

Нам было ужасно скучно.

В этом году я здесь впервые.

Существует неписанный закон, что зимой виллу оставляют в покое. Зимой я даже близко не подхожу к новому поселку.

На вилле все так, как мы оставили в прошлом году. Дырявая дверь все так же висит на петлях. На деревянных досках пола, если приглядеться, еще можно заметить пятна крови. Комнаты на первом этаже мне не особенно нравятся. В них, по всей видимости, когда-то был пожар. Стены почернели, в углу стоит полуобгоревшая

кушетка, по полу раскиданы старые журналы. Всякие дамские журналы 1990 года и даже порно — ничего ужасного, просто голые женщины, такие растрепанные и помятые, что особо много и не разглядишь.

На втором этаже комнаты все еще более-менее в порядке. Там даже есть камин, в нем можно развести огонь. На комод и полках стоят фотографии в рамках, мы много раз их рассматривали, ощущая что-то вроде почтительного страха.

На одной из фотографий — нарядная дама и человек в военной форме. У него ужасно строгий вид. Мы называем его Синей Бородой.

— У-у-у-у-у, тут бродит синее привидение с синей бородой... — говорит Лиззи всякий раз, когда мы заходим в эту комнату, и по спине у нас бегут мурашки.

Не хотелось бы мне с ним встретиться...

Мое царство — на чердаке.

Я поднимаюсь по деревянной лестнице наверх, голуби замечают меня слишком поздно и испуганно вспархивают к стропилам. Их перья устилают пол нежным покрывалом.

— Тс-с-с... Тс-с-с... — говорю я, — не бойтесь, это я, вы же меня знаете...

Но они все равно пятятся от меня, бьют крыльями, тревожно семят по балкам туда-сюда.

Чердак пуст, здесь лежит только огромный матрас с подушками и одеялами, которые я собственноручно притащила сюда наверх. Матрас лежит под той частью крыши, которая не протекает, с балки над ним свисает до самого пола кусок розовой ткани, как полог. Его принесла Лиззи. У нее дома полно всяких безвкусных вещей, но здесь полог выглядит совершенно уместно.

Каждый раз, когда я прихожу сюда, мне немножко страшно: а вдруг кто-нибудь все тут разломал или вообще все исчезло.

С закрытыми глазами я падаю на спину, на подушки, они пахнут сеном и мышами, весной и старыми перьями.

Зима прошла.

На коньке крыши сидит дрозд и поет про вечер, про то, что день скоро закончится и мир станет опасным. Я бы с удовольствием заснула, лучше всего надолго, навсегда, так бы и лежала всю жизнь на этих подушках, слушала бы голубей и дрозда, тут меня никто не найдет.

Я открываю глаза, потому что по моему лицу пробегает тень.

Это тот самый мальчишка.

Мы как замороженные смотрим друг другу в глаза.

Я вдруг пугаюсь и стараюсь смотреть сердито и враждебно.

— Чего тебе тут надо? — спрашиваю я через некоторое время. Мой голос звучит твердо и храбро.

Мальчишка только пожимает плечами. Он садится передо мной на корточки.

Я вижу, что нос у него немного кривой, и боюсь, что в этом виновата я и что сейчас он за это со мной рассчитается. Прямо сейчас, когда мы тут одни и нас никто не услышит.

Он намного сильнее меня, хотя и не выше, но он стал шире в плечах, с тех пор как я видела его в последний раз. Мускулы на руках у него ого-го, они хорошо вырисовываются под свитером. Я потихоньку сжимаю кулаки, так, на всякий случай.

Тут он ухмыляется.

— Я знаю, кто ты, — говорит он.

На секунду сердце у меня останавливается, я жду, что он дальше скажет: *«Это ты сломала мне нос»*.

— Твой отец ведет у нас биологию. Настоящая сволочь.

Он не смотрит на меня, и я этому рада, я вся сжимаюсь, как будто на этот раз он ударил меня в лицо.

Я не знаю, что сказать. Наверно, что-нибудь в папину защиту, но в голову ничего не приходит. К тому же я знаю, что ученики папу не особенно любят. Он очень строгий, не только в школе, но и с нами дома.

Он единственный учитель в школе, который в наказание заставляет учеников оставаться после уроков. Думаю, что и учителя не очень-то хорошо к нему относятся.

Мальчишка встает и прислоняется к подгнившим стропилам, у той стороны крыши, где через дыры в ней виден поселок. Он небрежно вытаскивает помятую пачку сигарет из кармана штанов.

— Хочешь? — спрашивает он, но не дожидается ответа и сует в рот сигарету.

Дым вьется по чердаку, словно туман. Меня это злит, потому что дым раздражает моих голубей. Они нервно воркуют, стараясь держаться от мальчишки подальше.

Я встаю.

Не очень-то приятно сидеть и смотреть на него вот так снизу.

Я ему не доверяю, в конце концов, это ведь я тогда опозорила его перед друзьями и это именно мой отец преподает в его школе.

Не знаю, что хуже.

— Правда, что твой отец раньше был боксером?

Я удивленно смотрю на него. Мы стоим рядом, на его лице отражается закат, и тут я замечаю, что мальчишка очень даже красивый. Цвет глаз не разглядеть, но ресницы темные и длинные, почти как у девочки.

Я поскорее отвожу взгляд и смотрю туда же, куда и он, на новый поселок.

— Да, был когда-то, — говорю я, — но давным-давно.

И он никогда не был профессионалом. Но этого я говорить не буду, это никому не интересно.

— Он до сих пор тренируется каждый день, — добавляю я, — у него в подвале груша.

Мальчишка кивает, как бы говоря «так я и думал».

— Он как-то вломил одному нашему однокласснику. Бенни его звали, он был старше нас, потому что два раза оставался на второй год, но воображал, что он какой-то особенно умный. Посреди урока он бросил в доску хлопущку... *Бах!*.. Твой отец точно знал, кто это сделал. Он подошел, совершенно спокойно и — *р-р-раз!* Прямо в рожу, я уж думал, Бенни каюк.

Я неловко молчу. Эту историю я уже знаю. И вдруг чувствую отвращение к собственному отцу.

Прямо до тошноты.

«Если кто-то наносит ответный удар через три секунды — это рефлекс, это можно».

— Я бы и сам так сделал, — говорит мальчишка и размахивается, как будто хочет кому-то врезать.

Голуби испуганно вспархивают.

Им на сегодня достаточно. Они облетают вокруг виллы, задевая друг друга крыльями, а потом направляются к поселку.

Тут мне становится страшно: вдруг мальчишка спросит, а как ведет себя мой отец дома — так же, как и в школе?

Я бы с удовольствием сказала, что он самый милый папа на свете и только к другим так мерзко относится, но это неправда. Теперь мне это ясно. И еще ясно, что я не хочу мальчишке врать.

Но он не спрашивает. Он щелкает по окурку, тот перелетает через крышу, скатывается в водосток, дымится там еще пару секунд, а потом тухнет.

— Ты живешь там, в поселке? — спрашиваю я, хотя на самом деле уже знаю.

— Угу, — говорит мальчишка, — в «Солнечном парке». Это звучит очень насмешливо.

— Сейчас опять хотят расширяться, эту хибару в ближайшее время снесут, тут будет супермаркет...

Он косится на меня.

Вот теперь меня действительно тошнит, шею как будто кто-то сдавил. Я чувствую в глубине глаз слезы, которые весь день только и ждали момента, чтобы выплеснуться. Более неподходящего они выбрать не могли.

— Мне надо идти, — говорю я, стараясь сдержаться, потом поворачиваюсь и торопливо бегу вниз.

— Эй, — кричит он мне вслед, — как тебя зовут-то?

Но я уже выбегаю на улицу, время не ждет, слезы брызжут из глаз. Злые слезы, которые еле прорываются через горло наружу.

Хочется волком выть от всех этих несправедливостей. Мальчишка стоит наверху, пока я не скрываюсь за домами в поселке.

Проклятый поселок!

СУББОТА

Когда мы с Лиззи обнаружили виллу, мальчишек из поселка вообще еще не было. То есть быть-то они были, но жили где-то в другом месте. Там, где сейчас стоит поселок, были только луга, поля и маленький пруд, весь заросший ряской. Летом мы в нем купались, там был мостик, по которому можно было разбежаться и прыгнуть в воду. Мы разбегались, держась за руки, и старались прыгнуть как можно дальше. Учимся летать — так мы это называли.

Потом пруд засыпали, он занимал слишком много места, и построили там дом на две семьи. Жильцы даже не знают, что когда-то мы здесь плавали, Лиззи и я.

После того как пруд исчез, мы переместились в виллу. Нарисовали на белых простынях черные черепа и вывесили их в окнах — в знак того, что вилла принадлежит нам. Нам и только нам. Лиззи сказала, что вообще-то пиратские флаги рисуют наоборот — белый череп на черном, но это ничего. Главное, что мы эти флаги все-таки сделали.

— Нужда заставит: хочешь не хочешь, будешь импровизировать, — сказала она.

Мальчишки, конечно, нас высмеяли, увидев флаги. На своих велосипедах они накручивали круги вокруг виллы и шептались между собой — чтобы мы не услышали — о том, что им делать дальше. Потом принялись бросать камни в уже разбитые окна и кричать нам:

— *Эй, соплячки!*

Мы с Лиззи сидели в гостиной с Синею Бородой и не отваживались даже дышать.

— Ох, Лиззи, — сказала я, — они из нас котлету сделают, если поймают.

Камни падали вокруг нас. Они были небольшие, но если случайно попадут, то ударят вполне чувствительно. Один камень попал в фотографию Синей Бороды — в ту, где он в форме и выглядит очень мрачно, — и разбил ее. Стекло зазвенело так громко, что мальчишки перестали бросаться, а Лиззи прошептала:

— Еще один камень — и я за себя не отвечаю.

Она ведь считала, что это мальчишки виноваты в том, что сделали с нашим прудом. Кто-то же должен оказаться виноватым, а мальчишки были первыми, кто подвернулся под руку. Один из них даже жил в том доме на две семьи — маленький толстый мальчишка, который всегда жевал жвачку и надувал из нее огромные зеленые пузыри.

Пусть теперь расплачиваются за то, что они там живут!

Потом они все-таки бросили еще один камень, он попал Лиззи в плечо, и тут мы вскочили и начали бросаться в мальчишек всем, что попало под руку. Лиззи запустила в них старым оловянным кувшином, а потом мы услышали, как мальчишки ругаются и садятся на велосипеды. Потихоньку отодвинув флаги, мы подглядели, действительно ли они уезжают.

Маленький толстый мальчишка приклеил мне на седло свою жвачку, можно сказать, отомстил — огромный зеленый комок, на седле еще и сейчас заметны его следы. Мы видели, как он достал жвачку изо рта, и я еще подумала — слава богу, он не приклеивает на седло свои козявки.

— Ну, вы у нас еще попляшете! — сказала Лиззи.

В субботу дедушка упал с лестницы.

Он хотел выйти во двор выбросить пустые бутылки в контейнер для стекла и свалился, так он сказал. Потому что соседка, фрау Бичек, опять оставила на лестничной клетке коляску. Фрау Бичек для дедушки давно уже как бельмо на глазу, она ведь из Польши, у нее пятеро детей, которые все время бесятся и шумят на лестнице. Но, когда дедушка с ней заговаривает и хочет сказать, что дети должны вести себя тихо, она только качает головой и отвечает:

— Не понимать!

Дедушка считает, что она очень даже может все понимать, просто не хочет.

— В этом-то и проблема с такими людьми, они не хотят понимать, — говорит он.

Падая, он ободрал себе руки и ударился коленом. Тем коленом, которое у него ранено еще с войны и с тех пор болит не переставая. Теперь он совсем не может ходить, может только смиренно сидеть и прикладывать холодные компрессы, иначе боль пронзает все тело, от пальцев на ногах до кончиков волос.

— А я-то тут при чем, я же не виновата, что он упал, — говорю я.

Мама лежит в затемненной спальне, и это хорошо, потому что мне не видно ее страдающей физиономии. Рядом с кроватью — лекарства и стакан воды, они едва различимы. Мама крепко держит меня за руку, потому что знает, что мне очень неуютно, когда она в таком состоянии. Когда на нее такое находит, я стараюсь